

Только когда Цинь Цзин увидел, что шкаф омеги полностью заполнен его одеждой, то наконец осознал, что произошло.

Он и правда перебрался в комнату Ши Цинъюя.

Раньше она была главной спальней. В день их свадьбы Цинь Цзин специально перенес свои вещи в гостевую.

Он не хотел, чтобы кто-то сказал, что он плохо обращается с омегой.

Комната не сильно изменилась. Разве что теперь почти все вещи были в двух экземплярах.

Он бросил взгляд на омегу, всё ещё занятого в ванной, и позвал:

— Ши Цинъюй, перестань убираться. Поедем в ресторан на ужин.

Омега выбежал в тапках, мягко стуча по полу, а его большие и яркие глаза смотрели прямо на него.

От этого взгляда Цинь Цзин почувствовал себя слегка виновато.

— Ч-что такое? — запнулся он.

— Ты назвал меня Ши Цинъюй.

— Да, это же твое имя?

Как ещё он должен был его назвать?

Омега переплел пальцы, легкий румянец расцвел на его щеках. Он тихо пробормотал:

— Мы замужем... Я зову тебя "дорогой".

Хотя он и говорил тихо, но они стояли близко, поэтому Цинь Цзин расслышал всё, что тот сказал.

Он кашлянул, пытаясь найти что-то более интимное, и осторожно сказал:

— Цинъюй.

Омега проигнорировал его.

— Малыш?

Всё ещё тишина.

— Золотце?

И опять никакого ответа.

— Милый?

— Мм!

Фух! Наконец-то он ответил правильно.

Цинь Цзин вытер несуществующий пот со лба.

— Поехали на ужин.

Он выбрал ресторан с хорошими отзывами и приятным окружением и поехал туда с Ши Цинъюем.

Вечер, и из-за этого было многолюдно. Цинь Цзин забронировал отдельную комнату, чтобы их не прерывали за едой.

Когда блюда заполнили стол, глаза омеги зажглись.

Ши Цинъюй взял большой кусок рыбы палочками и собирался откусить, когда внезапно повернулся и поднес его ко рту Цинь Цзина.

— Дорогой, кушай.

— Всё в порядке, ешь. Я скоро возьму себе.

Но вместо того чтобы отпрянуть, омега настоял и приблизился.

— Поторопись.

Цинь Цзин беспомощно откусил и похвалил:

— Великолепно.

Только тогда Ши Цинъюй просиял от удовольствия и начал с удовольствием есть.

В следующую секунду несколько очищенных креветок появилось в его тарелке.

Он взглянул на человека рядом с ним. Альфа всё ещё очищал креветки. Одноразовые перчатки на его руках испачкались, а горка шелухи уже появилась перед ним.

Заметив его взгляд, Цинь Цзин улыбнулся и сказал:

— Почему смотришь? Поторопись и ешь.

Ши Цинъюй подумал, а потом прислонился и поцеловал альфу жирными губами.

— Дорогой, ты такой милый.

Даже если он не ест, то всё равно чистит для него креветки. Он знал, какой у него хороший муж.

Цинь Цзин остановился. Омега поцеловал его уже во второй раз. Потеряв память, Ши Цинъюй больше не держал невидимую дистанцию. Он стал более настырным и милым.

Однако Цинь Цзин знал, что прежде чем потерять память, Ши Цинъюй не любил его. Альфа не мог не дорожить этим теплом, однако не хотел, чтобы Ши Цинъюй пожалел обо всём, когда восстановит память. Он не хотел, чтобы омега думал, что тот воспользовался им.

— Ты не можешь так небрежно целовать людей в будущем, — убрал улыбку и серьезно сказал Цинь Цзин.

Без своей обычной улыбки альфа выглядел немного устрашающе. Ши Цинъюй втянул шею и обиженно надулся.

— Но ты не другие люди. Ты мой муж.

Его голос становился всё тише и тише, и под конец его почти невозможно было расслышать.

Ши Цинъюй опустил голову, его глаза постепенно наполнялись слезами.

Он не понимал, почему альфа отказывается от поцелуев. Разве не этим должны заниматься женатые пары?

Или... потому что альфа не любил его, он и не целовал его? Все-таки тот никогда не целовал его по своему желанию.

Чем больше Ши Цинъюй думал об этом, тем больше понимал, что это может быть правдой. В носу закололо, а слеза упала на руку.

Цинь Цзин не заметил ничего и продолжал говорить:

— Даже если мы женаты, ты не можешь просто так целовать. Нужно сперва получить согласие другой стороны и...

Его слова резко оборвались.

Потому что он услышал тихие всхлипы.

— Цинъюй?

Цинь Цзин не мог произнести «милый» во всеуслышание.

После вопроса едва слышимые всхлипы превратились в полноценное рыдание.

Омега выплакивал всю душу, как будто переживал самую тяжелую боль в мире.

Цинь Цзин замер на месте.

Слезы лились по бледным щекам Ши Цинъюя. Его нос покраснел, а всё тело дрожало; грудь подымалась и резко опадала, когда он, задыхаясь, всхлипывал.

Цинь Цзин никогда раньше никого не утешал. Взволнованный, он попытался его ободрить:

— Не плачь, хорошо? Я не сказал ничего плохого...

Глаза омеги были похожи на бездонные колодцы, бесконечно льющие слезы.

Цинь Цзин полностью сдался.

Он снял одноразовые перчатки и выбросил их на стол.

Он ласково притянул Ши Цинъюя к себе на колени, поглаживая того по спине и начал мягко уговаривать:

— Хорошо, хорошо, ты можешь целовать меня, целовать меня сколько хочешь. Не плачь, будь хорошим.

Сердце болело, легкие болели — всё тело болело, когда он смотрел, как омега вот так плачет.

Это просто поцелуй, из него не вырвут кусок мяса или что-то такое. Он просто надеялся, что, когда Ши Циньюй всё вспомнит, то не будет ругать его за то, что тот воспользовался ситуацией.

<http://bllate.org/book/17856/1744141>